

Последствия того, что сказала Гермиона, были ясны Гарри, и это многое объясняло в ее поведении за последнюю неделю. Не все, но достаточно, чтобы он понял, почему она была такой нервной и была задета тем, что он избегал ее. Она колебалась в своих чувствах по этому поводу, но когда она приняла решение, он показался ей холодным и отстраненным.

Тот факт, что она вообще приняла такое решение, удивил его. Как бы близки они ни были, он никогда не любил Гермиону. Не потому, что она не была привлекательной - она была красива, умна, талантлива, верна и полна бесконечного сострадания к тем вещам, которые имели значение, например, к своим друзьям и менее удачливым людям. Она также была храброй и хитрой, и он не мог отрицать, что находил ее более дерзкие моменты привлекательными для себя.

Но она также была одной из его самых близких подруг, которая была ему как сестра. Его платонические чувства противоречили самой идее близости, и под каким бы углом он ни рассматривал этот вопрос, внутренние дебаты приводили его в бездействие.

Гермиона сохраняла спокойствие и достоинство, но у нее была целая неделя, чтобы все обдумать, поэтому Гарри догадался, что в ее голове все не так безумно, как в его, в тот момент.

Наконец он произнес единственный вопрос, который прочно засел в его голове. "Почему я?"

Она выдохнула и жалобно улыбнулась. "Гарри, подумай об этом. Сами-Знаете-Кто охотится за тобой, поэтому ты можешь подумать, что если ты образуешь с кем-то шабаш, то это сделает его мишенью. Но он собирается причинить вред многим людям, чтобы получить то, что он хочет, независимо от этого. Сделать тебя колдуном... Это один из единственных известных мне способов, который может приблизить тебя на шаг к встрече с ним на его уровне. У него нет способности создать ковен, если даже половина из того, что ты мне о нем рассказал, правда".

"Почему?"

"Потому что ритуал не только физический", - сказала Гермиона. "Тот, кто понимает только жестокость и власть ради нее самой, не может создать такой образ мыслей, который нужен для шабаша. Узы требуют сострадания. Заботы". Ее щеки окрасились в насыщенный розовый цвет. "Любовь".

Гермиона сделала длинный вдох. "Ковен - это навсегда, если только колдун не прекратит его. Такой уровень преданности... Гарри, ты можешь назвать хоть одного человека, хоть кого-то в волшебном мире, кому я могла бы так доверять, кроме тебя? Открыть тебе свой разум? Отдать часть своей свободы? Для многих ведьм это означало бы шаг назад во времена, когда у нас почти не было выбора".

"Так зачем рисковать?" возразил он. "Похоже, ты ничего не получаешь от этого, и все ради того, чтобы я не провалила дело, или, что еще хуже, не оказалась такой же плохой, как те истории, о которых ты упоминала!"

"Как я уже сказал, обмен будет взаимным. Я получу выгоду, как и ты. И все уже играют на то, что ты победишь Волдеморта. Я просто хочу повысить твои шансы, как всегда. Чтобы, что бы ни случилось, куда бы мы ни пошли, мы все равно могли быть рядом, чтобы помочь, когда мы нуждаемся друг в друге. Ради этого я готов поставить все на карту".

Гарри выдохнул. "Когда ты так говоришь, это звучит чертовски гениально".

Гермиона улыбнулась.

"Но это слишком много", - Гарри покачал головой и сел. "Все, что требуется, я не могу сделать".

Ее лицо опустилось. "Почему?"

"Потому что..." Он сморщился. "Гермиона, ты знаешь, что для этого нужно".

"Больше, чем ты", - сказала она. "Так что не думай, что я не подумала об этом хорошенько!"

"Конечно, обдумала. Но это все равно мысленно!"

"Почему?" спросила Гермиона, ее голос повысился. "Разве я не достаточно хороша?"

"Не будь смешной!" крикнул Гарри. "Ты одна из самых великолепных и талантливых женщин, которых я знаю!"

Они уставились друг на друга во внезапно наступившей неловкой тишине. Щеки Гермионы были розовыми так долго, что Гарри подумал, что они могут так и остаться. Он подумал, что может чувствовать то же самое. Ковананты, колдуны, Гермиона... это было слишком.

"Гермиона..." Он запнулся, пытаясь собраться с мыслями. "Я знаю, что ты говоришь. Я знаю, почему ты это говоришь. Но ты все равно просишь меня о том, что может быть больше, чем мне удобно. И ты знаешь, почему. Дело не в твоей внешности, не в твоем доверии ко мне, не в том, что это сумасшедший прыжок в магию, которую никто из нас не понимает, и она может потерпеть грандиозную неудачу. И не потому, что какая-то часть меня не хочет..."

Он наклонился вперед в своем кресле. "Но есть большая часть меня, которая заботится о тебе так сильно, что если я сделаю что-то не так, если я причиню тебе боль или разрушу то, что у нас есть вместе... Я не думаю, что когда-нибудь смогу простить себя за это. Я не хочу потерять то, что у меня есть, то, кто мы есть, прямо сейчас".

Гермиона моргнула, и в ее глазах появились слезы. "Ты - проклятый - ух! Гарри Поттер, ты тупой идиот!".

"Что?"

Она пересекла комнату к его креслу и обхватила его руками, а затем стала колотить его по груди. "Прекрати! Просто перестань быть таким чертовски благородным все время и просто... просто...! Ух!"

Он обнял ее, улыбаясь, как от удовольствия, так и надеясь, что она забудет об этом, и они смогут забыть о случившемся. Но она не отпустила его. Она повернула к нему свое лицо, глаза были полны красоты и печали.

"Как может какая-нибудь ведьма не хотеть быть частью этого, Гарри? Ты не обязан удерживать меня. Но если бы мы попытались, и у нас получилось... Я бы никогда не пожалела об этом. Даже если бы это было не навсегда".

Теплота в ее голосе была не просто нежной, в нем была какая-то острота, которая грозила закипеть. Он видел это у нескольких девушек в школе, которые нацеливались на него, когда он наслаждался редким моментом популярности. Ромильда Вейн присылала ему письма после его семнадцатилетия, в которых были очень тонкие намеки. Он даже сам чувствовал это, когда речь шла о таких женщинах, как Флер Делакур с ее природным веельским обаянием. Нимфадора Тонкс, с ее беззаботным и жизнерадостным бесстрашием. Может быть, даже Джинни Уизли, которая превратилась из пугливой лани в ранние годы в пылкую девчонку, когда ей исполнилось семнадцать.

Он никогда не испытывал таких чувств к Гермионе, но в этот момент, когда ее тело прижалось к его телу, а ее руки вцепились в его плечи, в его сознании всплыло воспоминание о ее поцелуе - его первом поцелуе, и его сердце заколотилось.

Гарри чувствовал, что ему необходимо что-то сказать, но он боялся испортить жаркий момент. Возможно, она была готова пойти на все, независимо от результата, по причинам, которые он не мог понять, но ради нее он не хотел, чтобы это был момент, который она хотела бы изменить.

<http://erolate.com/book/3075/71782>